

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/r-103004

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО СТАТУСА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

***Аннотация:** в статье дается характеристика правового статуса Русской православной церкви на основе анализа статей первого тома Свода законов Российской империи, посвященных учреждениям государственной власти. Делается вывод о законодательном компромиссе в определении места церкви в российском обществе и сохранении ее значительного политического влияния.*

***Ключевые слова:** Русская православная церковь, Свод законов Российской империи, систематизация законодательства, присяга, сакральность монархии.*

Русская православная церковь (далее – РПЦ) в истории российского общества всегда занимала особое место. В период складывания Российской империи союз церкви и государства значительно усилился, что было продиктовано оформлением принципиально новых задач, стоящих перед абсолютизмом. Это предопределило законодательные изменения правового статуса РПЦ, которая постепенно превращалась в «государственную церковь» [1]. С учетом растущего взаимодействия государственных учреждений с институтами гражданского общества, вопросы историко-правового регулирования остаются актуальными и для современной России.

В XIX веке правительство осуществило систематизацию российского законодательства. Результатом такой работы стало издание Свода законов Российской империи (далее – Свод), впервые вышедшему в середине 1830-х гг. В Своде, построенному по тематическому принципу, отношения церкви и государства нашли отражение в целом комплексе норм.

Свод законов Российской империи – многотомное издание, включавшее нормы различных отраслей права. Единство церкви и государства понималось как священный союз, сложившийся на основе исторической традиции и легитимированный Православной церковью, олицетворявшей русское общество. На божественную основу высшей государственной власти указывала первая статья Свода, требовавшая от имени Бога повиноваться верховной власти монарха всем проживающим на территории Российской империи [2, ст. 1].

Священный союз церкви и государства прежде всего символизировал ритуал коронования и миропомазания при вступлении на престол русского государя. Порядок миропомазания царской особы был зафиксирован в первом томе Свода, вобравшем в себя общие законы по организации политической власти. Он производился по специально принятой процедуре Православной Греко-Российской Церкви, о чем публично извещалось населению [2, ст. 35]. Обряд коронования совершался в Московском Успенском соборе в присутствии высших государственных чинов и духовенства. Примечательно, что коронация включала «совершение священных обрядов по обычаю древних христианских государей и Боговенчаных его предков». Внешняя атрибутика подкреплялась и глубоким религиозным содержанием: император произносил вслух символы Православной веры, демонстрируя верность служения восточной христианской церкви. В торжественной молитве содержалось наставление монарху быть мудрым и разумным, управлять обществом с пользой для него и «вести врученных Ему (монарху) людей к славе Божией» [2, ст. 36, прим. 2].

К присяге приводились и подданные Российской империи – лица мужского пола, достигшие возраста двенадцати лет, включая находящихся под стражей до суда. В местах предварительного содержания присягу принимал начальник учреждения в присутствии тюремного священника. Исключение составляли женщины и крепостные крестьяне. Несмотря на светский характер присяги, она имела глубокий религиозный смысл. Она производилась в присутственных местах, в монастырях, приходских церквях. На присяге присутствовали духовные

особы. Населению объяснялся смысл сакральности верховной власти как божественно установленной силы, давалось предостережение об ответственности за действия против власти. Непризнание и сопротивление царской власти рассматривалось как выступление против Бога.

Божественное происхождение царской власти многократного подчеркивалась в статьях Свода. В трех вариантах официальных статусов царской особы содержалась ссылка на божественную природу царской власти [3, ст. 37–38]. Идеал симфонии власти государства и церкви несмотря на его значительную трансформацию по-прежнему сохранялся, но уже наполнялся новым христоцентричным содержанием. Новая модель церкви и государства исключала полную автономию церкви, но закрепляла особую миссию православия в социокультурной сфере. Обновленная форма симфонии церкви и государства проявлялась в значительно большем дуализме: с одной стороны, явно наблюдается тенденция к секуляризации основных сфер общественной жизни и усилении светских начал; с другой стороны, монарх стремится управлять обществом на основе христианских заповедей, возвышении духовного сословия, распространении и продвижении православной культуры [3].

Обновление российского законодательства в XIX веке, которое безусловно можно рассматривать как новаторство и значительный шаг вперед по сближению с европейскими либеральными ценностями, не разрушило единства церкви и государства: религия подчеркивала сакральность монархии, а политическая власть оберегала церковь, приравнивая богохульство к разряду государственных преступлений [4]. Вместе с тем, противоречивость развития политической системы XIX века заключалась в постоянном присутствии консервативного элемента [5, с. 40]. Чем мощнее была модернизация (например, реформы Александра I и Александра II), тем больше проявляли активность консервативные силы, стремившиеся к укреплению позиций РПЦ.

Единство церкви и верховной власти подчеркивалось государственными символами: на государственной печати были изображены святые Михаил и Архангел Гавриила, надпись «С нами Бог» [2, ст. 1]. В Своде прямо указывалось,

что Православная вера в Российской империи является первенствующей и господствующей, и что император Российской империи не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной (ст. 40–41). Последователям православной веры в соответствии с законом было отдано предпочтение по сравнению с другими конфессиями. Только они могли свободно убеждать и распространять веру. Другим же церквям, включая христианские, было запрещено «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих им религии» под страхом уголовного преследования. Воспрепятствование присоединения к православной вере также каралось законом [6, ст. 199]. За соблюдением установленных правил строго следило министерство внутренних дел.

Следовательно, легитимность царской власти подтверждалась не только поддержкой РПЦ, но и прохождением особого государственно-церковного ритуала. Церковь, таким образом, выступала гарантом законности власти и деятельности императора, который, в свою очередь, обеспечивал ей государственную опеку и защиту. В статье 42 Свода давалось разъяснение, что император как христианский государь является «верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры, блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния». Обозначение императора главой церкви не означало потерю самостоятельности церкви. В церковном управлении самодержавие делегировало полномочия Святейшему Синоду, который являлся главным органом Церкви. Прямое указание на то, что в церковном управлении самодержец действует посредством Святейшего правительствующего Синода лишь подтверждало сохранение церковной юрисдикции.

Принцип паритета духовного правительства (Синода) и гражданского правительства (Сенат) имел очень важное значение. Церковь находилась под защитой государства. Церковь наделялась государственными функциями. Деятельность церкви одновременно подчинялась каноническим установлениям и светскому законодательству.

Таким образом, российское законодательство первой половины XIX века закрепляло особый статус Русской православной церкви и приоритет православной веры по сравнению с другими конфессиями. Исключительность положения РПЦ объяснялась историческим развитием русской государственности, которая всегда опиралась на церковные институты. Представители духовенства формировали штат чиновничества, епархиальное управление помогало осуществлять контроль на местах, а православие являлось основой государственной идеологии. Новый этап модернизации обострил отношения государства и церкви, но привел их к противостоянию. Свод законов Российской империи был в определенном смысле законодательным компромиссом различных политических сил на роль церкви в Российском обществе.

Список литературы

1. Павлушков А.Р. Социально-исторический контекст появления государственной церкви в России / А.Р. Павлушков // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 1 апр. 2019 г.). – Чебоксары: Среда, 2019. – С. 240–243.
2. Свод законов Российской империи. Изд. 1957. – Т. 1. – СПб.: Тип. II Отд СЕИВК. – Библиотека «Руниверс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 06.07.2022).
3. Еремин А.В. Становление государственных церковных отношений в России: историко-культурный анализ / А.В. Еремин // Вестник МГУКИ. – 2014. – №6. – С. 40.
4. Павлушков А.Р. Модернизация христианской идеи и развитие европейской государственности в Новое время (XVII – нач. XX вв. / А.Р. Павлушков // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник мат. Всерос. научной конференции, посвященной памяти проф. А.П. Печникова (31 окт. 2014 г.) / отв. ред. Д.В. Ирошников. – Рязань: Концепция, 2014. – С. 59–62.
5. Лядашева-Ильичева М.Н. Модернизация гражданского законодательства в России XIX – начала XX века: методологический аспект // Вестник СГЮА. – 2017. – №2 (115). – С. 17–22.

6. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е изд. – Т. 20 (1845 г.). – №19283.